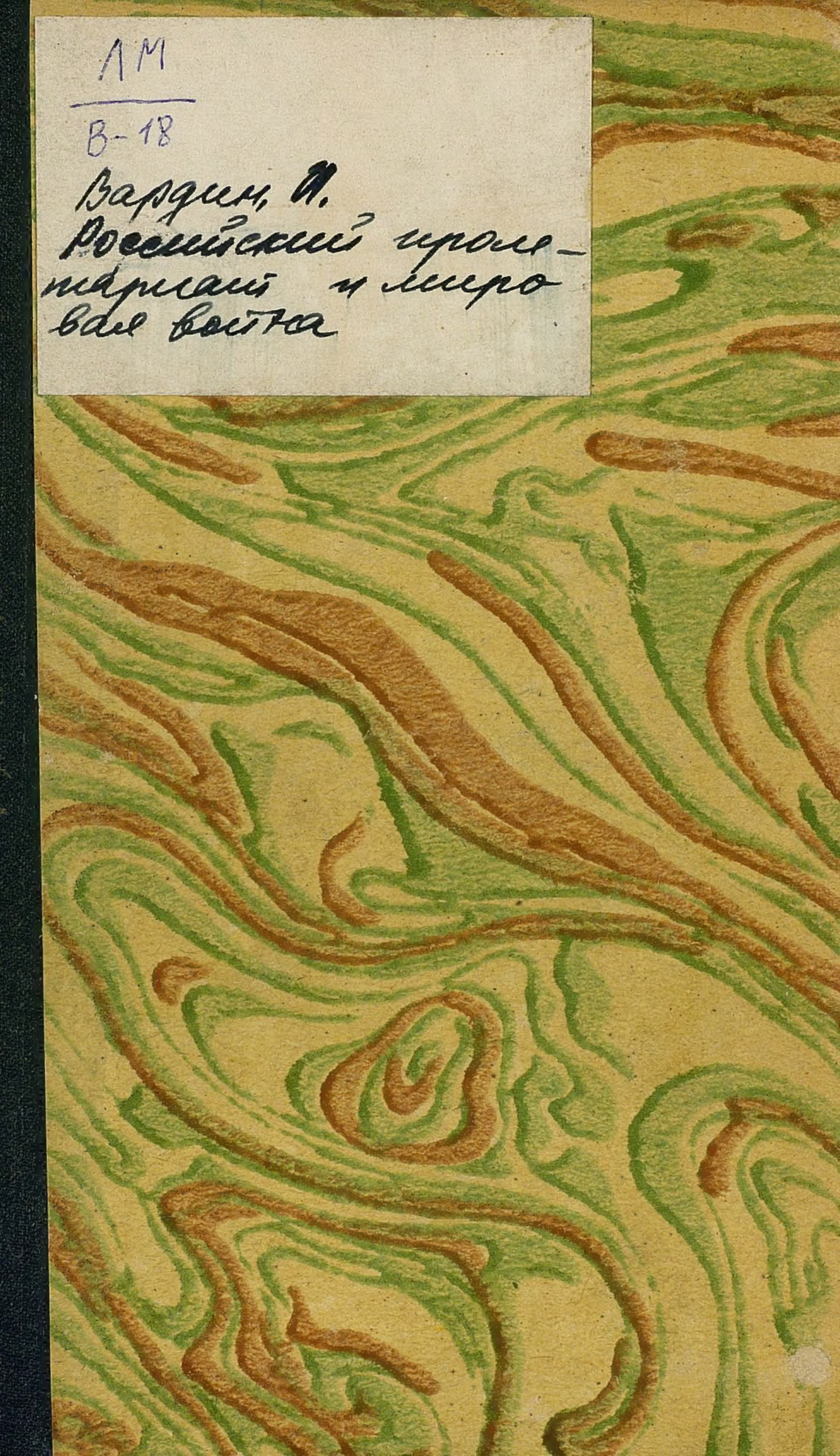
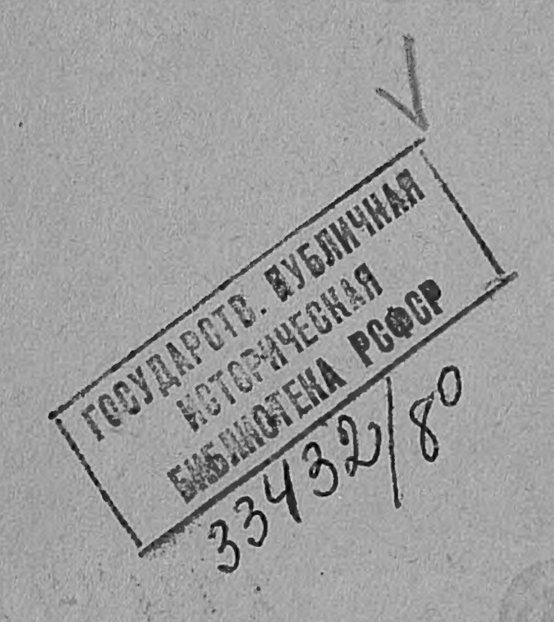

ЛМ
В-18
Вардин, И.
Российский проле-
тариат и миро-
вая война

ИЛ. ВАРДИН

РОССИЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ И МИРОВАЯ ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 7900. Главлит № 23849 Москва. Напеч. 10.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

Вопрос об отношении российского пролетариата к войне, понятно, неразрывно связан с вопросом об его отношении к царизму и буржуазии. В России, более, чем где-либо, борьба против войны была одновременно и неизбежно прямой борьбой с царистской, а затем и с «демократической», властью, борьбой с дворянством, буржуазией, мещанством, буржуазной интеллигенцией. Вопросы власти, земли и мира в России решительнее, чем в какой-либо другой стране, слились в один основной вопрос революции — свержения имущих классов.

Перед войной.

Канун мировой войны, это — период обострения отношений между классами во всем мире, и прежде всего в России, период грандиозных стачек в Европе, небывало-широкой, массовой борьбы вокруг дороговизны и т. п. В 1912 году на Балканах вспыхивает война, грозившая превратиться в европейскую; в Китае происходит революция, имевшая гигантское значение для всего Востока, а следовательно, и для всего мира. Капиталистический мир приходит в движение, социальное и политическое равновесие дает резкое колебание.

1*

С начала XX века российское рабочее движение оказывает все возрастающее влияние на движение европейского пролетариата, на революционную борьбу колониальных и полу-колониальных народов. Успехи или неудачи российского пролетариата соответствующим образом влияют на борьбу трудящихся всех стран. Революция 1905 года вызвала значительное оживление в европейском рабочем движении. Победа российской реакции сопровождалась укреплением европейской реакции. Это вовсе не было случайностью, что год упрочения царистской реакции (1907 г.) стал годом сильнейшего парламентского поражения германской социал-демократии. Под прямым воздействием российской революции происходят революции в Турции и Персии. Торжество российской реакции означает победу реакции и в этих странах.

В 1912 году в России возрождается массовое революционное рабочее движение; пролетарская партия большевиков рвет последние нити, связывавшие ее с меньшевизмом, и под старыми боевыми лозунгами революции идет во главе рабочего движения. Вопросы национальный и колониальный усиленно разрабатываются большевиками, революционное движение Востока изучается ими с величайшим вниманием, так как они видят в нем мощного союзника мирового пролетариата. В Германии оформляется революционное крыло социал-демократии, которое дает первые бои каутскианскому «центровому» оппортунизму по вопросам империализма, милитаризма, массовых форм борьбы.

Центр революционного рабочего движения находится в России. Достаточно ознакомиться с краткими данными о стачечном движении 1912—1914 г.г., чтобы составить правильное представление о размахе рабочего движения того периода. 1909 год—самый тяжелый для пролетариата год после революции 1905 года—дает всего навсего 64.000 стачечников, в то время, как в 1905 году бастовало 2.863.000 чел., а в 1912 г. бастует 725.000 чел., в 1913 г.—887.000, а в 1914 г.—1.337.000. Эта последняя цифра превышает количество стачечников революционного 1906 года, когда бастовало 1.108.000 чел. При этом необходимо иметь в виду, что во второй половине 1914 года, после начала войны, бастовало всего лишь тринадцать тысяч чел. Значит, один миллион триста тысяч человек бастовало в России в 1914 году в течение семи месяцев. Из этого миллиона трехсот тысяч свыше миллиона участвовало в политических забастовках, непосредственно направленных против царизма.

В начале июля 1914 г. политические стачки и демонстрации стихийно перешли в уличную баррикадную борьбу. За пару недель до начала «великой» «освободительной» войны русские рабочие, в присутствии гостившего у царя французского президента Пуанкаре, вели революционную атаку против царизма—«доблестного союзника» республики французских банкиров.

Движение потерпело неудачу, и это было на данной стадии развития неизбежным. Прежде всего, партия не имела в этот период сильного подпольного аппарата, она не вела практически-

организованной работы по немедленному свержению правительства. Из подготовительного пропагандистского периода она еще не успела выйти. С другой стороны, партия несколько «увлеклась» легальной работой в Государственной Думе, профсоюзах, клубах в ущерб подпольной партийно-организационной работе.

Неудача июльского движения вскрыла недостатки партийной работы. За период 1912—1914 г.г. в движение вошло новое поколение партийных работников, существенным недостатком которого было именно отсутствие боевого опыта. Июльская борьба этот опыт дала. Реализовать его пришлось в обстановке, радикально измененной войною.

Царская Россия побеждает.

Войну для России можно разделить на четыре периода:

1) Царская Россия наступает и побеждает.

2) Царская Россия терпит тягчайшие поражения.

3) Февральская революция. Россией правит «демократия». Война продолжается. «Демократическая» Россия терпит тягчайшие поражения.

4) Октябрьская революция. Россией правят Советы. В результате Брестского мира Россия выходит из войны.

В начале войны все имущие классы, подавляющее большинство мещанства и интеллигенции пребывают в бурном патриотическом восторге, целиком стоят за «вторую отечественную войну». Вся пресса, все организации буржуазии, мещан-

ства, интеллигенции проникнуты духом патриотизма и проповедуют «национальное единение». Рабочий класс не принимает участия в общем патриотическом хоре. В своем подавляющем большинстве—он против войны. На торжественном заседании Государственной Думы 8 августа 1914 года и большевистская и меньшевистская фракции выступают совместно против войны и голосуют против военных кредитов.

Но уже в этот период влиятельнейшие группы меньшевиков, игравшие в России виднейшую роль, державшие в руках руководящий печатный орган меньшевиков (журнал «Наша Заря»), выступают на защиту «национальной» точки зрения. Организационный (Центральный) Комитет меньшевиков (О. К.) колеблется между национализмом и интернационализмом. Думская фракция меньшевиков также колеблется. Отвечая министру Вандервельде на его просьбу поддержать царское правительство в войне, меньшевики писали:

> Даже в настоящий момент, в противоположность своим западным товарищам, пролетариат России лишен всякой возможности открыто выражать свое коллективное мнение и осуществлять свою коллективную волю: те немногие его организации, которые существовали до войны, закрыты. Печать уничтожена. Тюрьмы переполнены. Это лишает социал-демократию России возможности занять в настоящий момент ту позицию, которую заняли социалисты Бельгии, Франции и

Англии и, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства как перед страной, так и перед международным социализмом. Но, несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение обще-европейского конфликта, как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, мы заявляем Вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне.

Это было полное оправдание социал-патриотизма. Это оправдание содержало в себе обещание при первой же возможности, под первым же удобным предлогом занять и для России позицию социал-шовинизма. Группа Плеханова-Алексинского—крайне правое крыло российского оборончества—весьма быстро самоопределилась, как прямая политическая союзница царизма в его борьбе с «прусским милитаризмом». Группа Потресова - Маслова - Засулич фактически солидаризировалась с Плехановым. Центристский О. К., совместно с думской фракцией, находился в союзе с оборонцами, прикрывал оборончество, защищал точку зрения «непротиводействия» войне.

Левое крыло меньшевизма, руководимое Мартовым - Мартыновым, довольно решительно выступало в печати против социал-шовинизма. Слова о «непротиводействии» Мартов считал «фатальными». Эта формула—справедливо ука-

зывал он—дает в руки козырь «всем Зюдекумам и другим немецким социал-патриотам, всячески доказывающим, что русский пролетариат идет за националистической реакцией (чтобы тем оправдать свое следование за кайзером). Эта несчастная фраза должна внести величайшую смуту».

Решительно высказался Мартов не только против Зюдекумов, но и против Каутских. В сентябре 1914 года Мартов писал Аксельроду:

> Немцы на этот раз вполне и основательно посрамили знамя марксизма и скандально ликвидировали свою гегемонию в международном социализме. Я достаточно переболел уже этот первый итог войны, чтобы решиться сказать, что мы должны теперь без стеснения самым решительным образом обрушиться на эти измены, не боясь углубить пропасть, которую война в самом факте своего существования уже вырыла между нами.

В ряде своих статей Мартов со всей энергией обрушился на международных изменников социализма, критиковал русских социал-шовинистов, поднимал вопрос о «сговоре» с Лениным в целях совместной борьбы с оппортунизмом и т. д.

Когда редактируемый Даном сибирский меньшевистский журнал заявил, будто Каутский вел себя очень мужественно, борясь с Шейдеманом и его сторонниками, Мартов в письме к Дану заметил:

> В этот момент он (Каутский) вел себя как предатель, потому что он не боролся против предложения вотировать (кредиты) и таким образом совершенно деморализовал левых. С тех пор, после жестов молодого Карла (Либкнехта) и некоторых других, в настоящее время довольно многочисленных, он ведет себя как старая баба, храня абсолютное молчание по поводу самых острых вопросов.

Мартов не приукрашивал войны, а, наоборот, со всей резкостью вскрывал ее разбойничий, империалистский характер. Война, говорил Мартов, открывает эпоху революций, когда пролетариат должен итти на прямой захват власти.

Но, выступая в литературе столь решительно против оппортунистов, на практике левая фракция меньшевизма всецело прикрывала, выгораживала, по возможности обеляла российских оппортунистов, всячески защищая поведение О. К. и думской фракции, не допуская и мысли о разрыве с оппортунистами и социал-шовинистами типа Плеханова. Мартов, критикуя участие в военно-промышленных комитетах, вместе с тем мирился с тем, что в России все его сторонники вступили в прямое соглашение с воинствующими империалистами типа Гучкова-Коновалова. Мартов и его группа мирились с тем, что фактически политика российского меньшевизма определялась социал-шовинистской группой «Наша Заря».

Вскрывая империалистский характер войны, подчеркивая, что она открывает эпоху ре-

волюций, Мартов и его группа однако решительно противились лозунгу превращения империалистской войны в войну гражданскую, резко нападали на большевиков за их пораженчество, т.-е. фактически боролись против революционного свержения царизма и буржуазии.

Вместе с Мартовым во время войны работал тов. Троцкий. Стоя налево от Мартова, тов. Троцкий еще более решительно и резко, чем Мартов, выступал против оппортунистов, но одновременно стоял за единство с ними. Тов. Троцкий отвергал пораженчество, возражал против лозунга превращения империалистской войны в войну гражданскую и т. д. Но главное разногласие между Троцким и большевиками в эпоху войны сводилось к вопросу об отношении к различным видам оппортунизма. Главная ошибка тов. Троцкого заключалась в том, что он не видел необходимости решительного и окончательного разрыва с оппортунизмом.

Таким образом четыре группировки определились в русском меньшевизме по вопросу об отнощении к войне: 1) Плеханов—Алексинский, 2) Потресов—Маслов (редакция журнала «Наша Заря»), 3) О. К. и думская фракция, 4) Мартов—Мартынов. Переход от одной группировки к другой был едва заметным, различие между смежными течениями сводилось к едва уловимым оттенкам. Если ясна была разница между Мартовым и Потресовым, то весьма трудно было уловить разницу между Плехановым и Потресовым, между Потресовым и О. К., между О. К. и Мартовым. В целом же все эти группировки олице-

творяли собою российский оппортунизм в его различных видах, оттенках и проявлениях, выражали настроения, взгляды, интересы мещанства, интеллигенции, верхушки рабочего класса, представляли буржуазное влияние на пролетариат.

В противоположность меньшевистскому распаду, в качестве единой, действительно интернациональной, действительно революционной партии выступил российский большевизм. В его среде не было фракций и направлений, уклонявшихся от линии революционного интернационализма. Лишь отдельные большевики, да и то весьма редко, отдавали дань более или менее прикрашенному оборончеству. Но ни одной оборонческой организации или группы, ни одного оборонческого литературного документа среди большевиков не было. В условиях неслыханного поражения международного социализма, перед лицом измены признанных вождей мировой социал-демократии, под ударами чудовищного террора большевики сохранили поразительное единство.

Характерно, что, согласно анкете, произведенной в 1915 году, среди сосланных в Сибирь большевиков 98% занимали революционно-интернационалистскую позицию, и только 2% стояло на неопределенной точке зрения. Между тем меньшевики давали 33% оборонцев и 22% неопределенных, остальные же стояли на точке зрения пацифизма.

Передовые рабочие большевики с первых же дней войны заняли решительную революционную позицию. Думская большевистская фракция проделала небывалую, невиданную в истории парла-

ментаризма подпольную революционную работу, связавшись с низами, налаживая организацию, которая оказалась бы способной руководить революционной борьбой для свержения царизма. В ноябре 1914 г. фракция была арестована на партийной конференции, обсуждавшей проект тезисов Центрального Комитета о войне.

В октябре 1914 года Центральный Комитет большевиков принимает манифест о войне. В манифесте разоблачается истинный характер войны, вскрывается вся чудовищность измены вождей социал-демократии, пытающихся «подменить социализм национализмом». Далее в манифесте говорится:

> Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики... Если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и

русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистическая печать России.

Переходя к вопросу об отношении к войне, манифест заявляет:

> При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Единственно правильным пролетарским лозунгом манифест объявлял «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну», использование кризиса капитализма, принявшего форму войны, в интересах революционного свержения буржуазии. Неотложной задачей всех истинно-революционных элементов пролетариата манифест считал беспощадную борьбу с международным оппортунизмом социал-шовинистского или каутскианского толка. Второй Интернационал изменил

социализму и для пролетариата умер, но — заявлял манифест — «пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал».

В течение семи довоенных месяцев в России бастовало один миллион триста тысяч человек, в течение пяти повоенных месяцев бастовало только тринадцать тысяч человек. А война, как увидим ниже, принесла пролетариату одни лишь лишения. Но победоносное движение царских войск вперед, патриотические победы, сплачивая царизм, буржуазию, мещанство, интеллигенцию в одно «национальное» целое, делали для пролетариата борьбу почти совершенно невозможной. Военные победы шли на пользу политически прежде всего царизму. Победы направляемого царизмом «русского оружия» приносили пролетариату наибольшее зло.

Большевистская партия единственная открыла политическую борьбу против патриотизма по всем направлениям, она единственная не делала никаких уступок, не устанавливала никаких связей с оппортунизмом. Она одна сказала со всей смелостью и категоричностью правду о том, что среди того чудовищного «зла», каким является война, «наименьшим злом» будет поражение царизма.

Царизм терпит военные поражения.

Зима 1915 года открывает собой новый период войны, когда поражения сменяются новыми поражениями, когда целые армии выходят из

строя. «Военное счастье» окончательно изменило царизму. Полное банкротство дворянско-бюрократической монархии было очевидно. Буржуазия, в первые месяцы войны тесным кольцом окружившая царский трон, прекратившая с ним всякие споры о власти, увидела, что она ошиблась, что *с таким* правительством, *с таким* режимом войну выиграть нельзя.

Убедившись в полной неспособности царизма довести войну «до победного конца», буржуазия в союзе с либеральным дворянством начинает «спасать положение». Она идет двумя путями. Во-первых, создает аппараты по обслуживанию войны, по фактическому замещению ряда государственных учреждений, обнаруживших полную свою несостоятельность. Для помощи раненым и больным воинам, для санитарного и культурно-политического обслуживания фронтов создаются *Земский и Городской Союзы*. Для мобилизации промышленности в целях правильного снабжения армии создаются *военно-промышленные комитеты*.

Во-вторых, буржуазия возобновляет прерванную с началом войны *борьбу за власть*. Летом 1915 года в Государственной Думе создается «Прогрессивный блок», объединивший буржуазно-помещичьи партии от кадетов (Милюков — Маклаков) до умеренных монархистов (Шульгин—Бобринский) включительно. Прогрессивный блок требовал «правительства, пользующегося доверием страны», т.-е., как само собою ясно, правительства буржуазно-помещичьего блока. Премьер-министр нового «общественного» правительства был уже намечен: блок сошелся

на либеральном помещике князе Львове, председателе Земского Союза. После свержения царизма Львов стал «первым министром революции». Но он хотел, и вся буржуазия хотела, из царских рук получить министерский портфель. Львов на земском съезде провозглашал лозунг: «единение царя с народом». Но царь этого «единения» с буржуазно-помещичьим блоком не захотел.

Однако буржуазия сделала все, что могла. Она развернула многообразную деятельность, проявила широкую инициативу. Она сделала попытку подчинить пролетариат своему руководству, ввести его в русло либерального движения. На всероссийских съездах, созываемых буржуазией для обсуждения разных вопросов по «оборсне страны», допускались и представители рабочих. Цель была ясная: создать единый «общенародный» фронт, наладить «сотрудничество» классов. В военно-промышленных комитетах буржуазия решила иметь целые рабочие группы. Тут помимо общей задачи создания «единого национального фронта» преследовалась еще чисто практическая задача: рабочие группы должны были вносить «успокоение» в рабочие массы, бороться против забастовок и других «эксцессов», словом, противодействовать «разлагающему» революционному влиянию. Рабочие группы должны были стать постоянной агентурой буржуазии в рабочем классе.

Буржуазия не могла игнорировать рабочий класс, ибо он сравнительно быстро вышел из состояния оцепенения первых месяцев войны.

В 1915 году в политических стачках участвовало 155.000 чел., в 1916 г.—310.000 чел. Буржуазия понимала, что 150.000 стачечников— это только начало, что пролетариат только еще расправляет члены. Буржуазия знала российский рабочий класс по его могучей борьбе в 1905—1906 и 1912—1914 г.г. Буржуазия знала влияние и политическую силу партии большевиков.

29 марта 1915 года в статье по поводу суда над нашей думской фракцией В. И. Ленин писал:

> Около 40.000 рабочих покупали «Правду», много больше читали ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он один стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплоатируемых, угнетенных. Он один устоял в общем развале.

Буржуазия не могла не видеть, что пролетариат «один устоял в общем развале», один остался на позиции революционного интернационализма. Но это значило, что, придя к власти, буржуазия становится лицом к лицу с опаснейшим противником, которого еще неизвестно удастся ли разбить в открытой борьбе. Поэтому буржуазия пытается воспользоваться режимом военной диктатуры для того, чтобы изнутри воздействовать на пролетариат, приблизить его к себе, если нельзя подчинить своему руководству целиком, то расколоть, с одной частью

заключить союз и тем самым парализовать весь рабочий класс в его революционной борьбе.

Некоторые обстоятельства давали буржуазии основание считать, что ее планы не совсем безнадежны. Во-первых, на-лицо была тонкая, но политически сильная, верхушка рабочего класса, экономически выигрывавшая от войны. Во-вторых, существовала меньшевистская организация, действовали меньшевистские вожди, именем рабочего класса готовые заключить союз с буржуазией почти без всяких условий. В-третьих, поражения на фронте вызывали в отдельных, отсталых слоях пролетариата тревогу за судьбу «отечества». *Создавалась почва для искреннего «оборончества», для добросовестных заблуждений*. Буржуазии было не трудно обмануть несознательные элементы пролетариата в момент, когда целые области захватывались неприятелем, когда обозначалась угроза столицам. Если почти никого нельзя было из рабочего класса увлечь лозунгами империалистического патриотизма, если крики о Стамбуле, Армении и Галиции вызывали негодование во всяком честном рабочем, то иное положение создалось, когда Польша, Литва, Белоруссия очутились в руках австро-германцев. *Патриотизм непонимания и политической узости* при этих условиях неизбежно должен был одержать известный успех.

Вот почему попытка буржуазии при посредстве меньшевиков подчинить своему руководству рабочий класс была не безнадежна. Организационный Комитет меньшевиков, думская фракция, «левые» меньшевики постепенно и неуклонно

поворачивали вправо. В России почти все меньшевики пошли навстречу политическим планам и стремлениям буржуазии и приняли участие в военно-промышленных комитетах. Летом 1916 года думская фракция высказалась за комитет обороны. Вместе с буржуазией меньшевизм выдвинул лозунг «спасения страны», что имело вполне определенный политический смысл: не революция, а реформы в интересах войны. Вместе с буржуазией меньшевизм боролся против массовых выступлений, против политических стачек и революционных демонстраций, против самостоятельной борьбы пролетариата в целях свержения царизма. Всеми силами меньшевистская партия старалась гегемонию обеспечить за буржуазией. Тягчайшее поражение царизма меньшевизм пытался превратить в победу буржуазии.

Только партия большевиков общий кризис буржуазно-помещичьей России использовала для подготовки революционно-демократической ликвидации царизма.

Военно-промышленные комитеты.

За или против участия в военно-промышленных комитетах? За или против сотрудничества с буржуазией в интересах «защиты отечества»? Вокруг этих вопросов летом и осенью 1915 года развернулась беспощадная борьба партий в рабочем классе. За высказывались меньшевики и эс-эры. Их поддерживала вся буржуазная общественность, вся буржуазная и «демократическая» печать. В период избирательной кампании мень-

шевики получили возможность издавать легальную газету «Утро». Против участия в военно-промышленных комитетах решительно боролась партия большевиков, которую беспощадно травили правительство и «общество», которая не имела никаких легальных возможностей.

Борясь против участия в комитетах, большевики, однако, решили принять участие в выборах уполномоченных, чтобы на собрании уполномоченных провести решение об отказе сотрудничать с буржуазией. Предложение о простом бойкоте избирательной кампании Петроградским Комитетом партии было отклонено.

В выборах уполномоченных приняло участие около 200.000 рабочих. Состоявшееся в сентябре собрание уполномоченных дало следующие результаты: за участие в военно-промышленном комитете — 80 гол., против участия — 90 гол. Таким образом блок меньшевиков и эс-эров потерпел поражение. Несмотря на неслыханный режим террора, несмотря на сильнейшее давление всей буржуазной и «демократической» печати, большинство питерского пролетариата осталось на революционно-классовой позиции. Это тем более замечательно, что меньшевики и эс-эры, считаясь с настроением массы, необходимость участия в комитетах мотивировали не только и не столько соображениями патриотизма, сколько необходимостью создать опору для защиты повседневных интересов рабочих. Мы — говорили меньшевики несознательным рабочим — не имеем никаких организаций для защиты своих интересов, в военно-промышленных комитетах

мы найдем зацепку, мы вырвемся из подполья, мы облегчим положение пролетариата.

Большинство петроградских рабочих поняло, что рабочая организация, созданная при комитете промышленников, будет орудием не пролетариата, а буржуазии. Но значительное меньшинство все же за меньшевиками и эс-эрами пошло. Это было возможно потому, что отсталая часть пролетариата, как указано выше, в этот период действительно верила, что речь идет только лишь о защите «отечества», а не об осуществлении империалистической программы буржуазии.

* * *

Меньшевики и эс-эры потерпели поражение. Но они решили во что бы то ни стало добиться своего. Вождь рабочих-оборонцев Гвоздев выступил в буржуазной печати с прямым доносом на некоторых большевиков, которые по чужим мандатам прошли на избирательное собрание, ибо иным путем они проникнуть туда не могли. Опираясь на поддержку председателя военно-промышленного комитета Гучкова (в 1906 году—сторонник военно-полевых судов, впоследствии председатель третьей Государственной Думы, во время войны—крайний империалист), меньшевики добились отмены принятого решения и назначения вторичного собрания уполномоченных. Оно состоялось 21 ноября 1915 г. При открытии собрания Гучковым, представитель большевиков огласил следующую декларацию:

Созванное сегодня вторично собрание выборщиков считаем попыткой фальсифи-

цировать мнение петербургского пролетариата. Являясь результатом частных хлопот отдельной кучки рабочих, оно не в праве решать тот вопрос, который однажды уже решен и одобрен рабочими массами на заводах.

Петербургский пролетариат и по сей день сохраняет свою прежнюю позицию самого резкого осуждения мировой войны и ставит своей задачей в этот критический для буржуазного общества момент расчищение дороги классовой борьбы пролетариата за его конечные цели.

Петербургский пролетариат по прежнему считает невозможным входить в те организации буржуазии и дворянства, которые ставят своей целью спасение русской монархии на костях миллионов крестьян и рабочих, тем более, что Центральный военно-промышленный комитет в своих постановлениях обнаружил явное стремление сжать в кулак классовое движение пролетариата, дезорганизовать его и лишить его присущей ему солидарности.

Ввиду того, что кучке самозванцев удалось все-таки сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех, способствовавших этой закулисной сделке, и поведем с ними упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места.

Огласив декларацию, большевики покинули собрание. За ними последовало левое крыло эс-

эров. Из присутствовавших на собрании 153 чел. ушло большинство — 89 чел. Это не помешало меньшевикам и эс-эрам признать собрание правомочным для проведения выборов от имени пролетариата столицы. Блок между буржуазией и меньшевизмом должен был быть заключен непременно. С какими платформами выступили участники блока? Представитель буржуазии Гучков говорил:

> Война навязана нам дерзким врагом. Нами сделано все, чтобы избавиться от нее, но, когда нам бросили вызов, мы должны были его принять. Нашу армию постигли неудачи. Ей пришлось отступить... Мы мобилизовали нашу промышленность и в результате нашей работы появились известные успехи на фронте, объясняемые достаточным снабжением снарядами. В этом и наша заслуга... Самым грозным врагом России является экономическое засилие Германии. Мы должны преодолеть его... Я знаю, что у вас есть свои задачи, своя линия, но сейчас, когда враг грозит целости России, мы все должны отложить наши распри и борьбу... Мы призваны для определенных задач—борьбы с немцами. Нельзя обольщать себя надеждой, что, кроме этой главной цели, удастся еще устроить кое-что внутри страны.

На это ясное и категорическое заявление воинствующего империалиста «социалистический» вождь рабочих Гвоздев отвечал:

Мы стоим на точке зрения защиты и самообороны, но не нападения и разгрома. Наша самооборона ни в коем случае не должна перейти в нападение на Германию. В настоящее время насущной работой является организация всех живых общественных сил России для борьбы с нападающей Германией и для борьбы с нашим страшным внутренним врагом—самодержавным строем. Для достижения этих двух целей необходимо деятельное участие в работах военно-промышленных комитетов. В настоящее время социальная революция не на очереди... Пока власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии. Мы—накануне буржуазной революции. Экономически теперь сильнее всего буржуазия, и она должна получить соответственную силу политическую... Сильна ее база,—должна быть сильна и надстройка.

Вот платформа, на которой объединились российский империализм и меньшевизм. В основном и Гучков и Гвоздев были единодушны: нужны снаряды, для снарядов необходимо «сотрудничество» между буржуазией и пролетариатом. Руководство должно принадлежать буржуазии...

Решающее значение имели снаряды, пушки и... «порядок», обеспечиваемый тем, что «наши распри и борьба» откладывались.

Решающее значение имело практическое организационное участие в «обороне». А заявление Гвоздева о том, что «самооборона» ни в коем случае не должна перейти в нападение, в луч-

шем случае было глупым пустословием, а скорее всего прямым обманом. Вопрос о «нападении» решился бы не в зависимости от желаний обманутых Гвоздевыми и Гучковыми рабочих, а в зависимости от соотношения совершенно реальных сил.

Так или иначе, но партии меньшевиков и эс-эров, войдя в военно-промышленные комитеты (вскоре выборы были «сделаны» и в провинции), тем самым взяли перед буржуазией обязательство заставить пролетариат отложить «распри и борьбу» с буржуазией, а с царизмом бороться только в рамках, очерченных Гучковыми и Милюковыми. В какой мере удалось эс-эро-меньшевистскому блоку выполнить это обязательство?

Война и положение пролетариата.

Еще до начала войны пролетариат потерпел поражение в авангардной стычке с царизмом. В империалистическую войну царизм и имущие классы вступили в качестве «победителей» над «внутренним врагом». Совершенно естественно, что война правительством и буржуазией была использована прежде всего для того, чтобы закрепить свою победу над пролетариатом, чтобы еще более ослабить его, чтобы зажать в тиски своего беспокойного и опасного врага, нанося ему беспрерывные политические и экономические удары. Пролетариат очутился в осадном положении.

По линии политической—его подпольные организации были разгромлены, легальные профессиональные союзы и клубы ликвидированы, ле-

гальная политическая и профессиональная пресса задушена, парламентская большевистская фракция сослана в Сибирь. Единственной рабочей организацией, сохранившейся во время войны, были больничные кассы и рабочие группы при советах по страхованию рабочих, единственное легальное издание—страховой журнал. Но по вполне понятным причинам, эти страховые организации не могли играть заметной политической роли.

Все взрослое рабочее население было разбито на «военнообязанных» и «свободных». Военнообязанные в интересах «обороны» оставлялись на предприятиях, но участвовать в общей борьбе пролетариата для них было крайне трудно, ибо малейшее проявление «беспокойства» с их стороны влекло их немедленную отправку на фронт. Это обстоятельство, разумеется, еще более ослабляло политическую активность дезорганизованного, обезглавленного пролетариата.

Весьма серьезное значение имело для рабочего класса и применение желтого труда. По настоянию капиталистов, ввоз китайских рабочих для работы на шахтах, рудниках и металлургических заводах принял массовой характер. Забитые, несознательные, неорганизованные «желтые» рабочие поневоле служили причиной ухудшения положения рабочих. Возможности втягивания их в общие организации, в общепролетарскую борьбу и работу не было, ибо рабочий класс был связан по рукам и ногам. Попытки его бороться за улучшение своего положения наталкивались на гигантские внешние препятствия в лице блока царизма и буржуа-

зии и на внутренние препятствия—на дезорганизацию рядов пролетариата.

Для характеристики общих условий жизни рабочего класса во время войны необходимо еще отметить широкое развитие женского и детского труда почти во всех отраслях народного хозяйства. При свободных условиях, при наличности революционной рабочей п ртии и профсоюзов, развитие женского и детского труда, равно как и привлечение «желтого» труда могли стать факторами прогрессивного порядка,—при диктатуре же царизма эти обстоятельства прежде всего облегчали буржуазии возможность безграничной эксплоатации пролетариата.

В результате — экономическое положение рабочего класса беспрерывно ухудшалось. Дороговизна бешено росла, заработная плата от роста цен резко отставала. К апрелю 1915 года цена на хлеб возросла на 82% по сравнению с мирным временем, зарплата — только на 41%. При этом необходимо иметь в виду, что хлеб отнюдь не был самым дорогим продуктом в России во время войны. Обувь, мануфактура и другие предметы широкого потребления значительно обогнали рост цен на хлеб.

Известный полу-либерал, полу-меньшевик Прокопович в своей книге: «Война и народное хозяйство» (Москва 1918 г.) приводит следующие данные о положении российского рабочего класса во время войны. По словам Прокоповича, для всего 1915 года повышение цен дает 53,3%; повышение заработной платы — только 19%. Но одновременно производительность труда за тот же период повысилась на 20—25%.

Прокопович указывает, что «повышение в 1915 г. заработной платы на 19% остается в рамках... повышения производительности труда рабочих», что, далее, «повышение платы отчасти обусловлено чрезвычайным распространением в некоторых отраслях сверхурочных работ» («Война и народное хозяйство», стр. 250). Прокопович констатирует, что «война принесла промышленникам великолепные, небывалые прибыли, рабочим же она дала недоедание» (там же, стр. 253). И дальше: «При хороших заработках крестьян и сугубо-хороших наших промышленников, положение рабочего класса, за немногими исключениями, было крайне тяжело... Экономическое оскудение, созданное войною, всей своей тяжестью легло на промышленный пролетариат» (там же, стр. 253).

В том, что пролетариат очутился в невозможном положении, было виновато не «экономическое оскудение» страны, а политическое всесилие царизма и буржуазии. Суть вопроса в том, что буржуазия, пользуясь военной диктатурой, беспощадно эксплоатировала пролетариат. Данные, приводимые Прокоповичем, не дают полной картины этой эксплоатации, ибо он опирался на обследования крупной промышленности главнейших центров страны, где условия труда всегда были несколько лучше, чем в подавляющем большинстве средних и мелких предприятий, чем на окраинах. Но и в промышленных центрах, в текстильной промышленности, как указывает тот же Прокопович, прядильщики и ткачи в 1915 го-

ду зарабатывали по 16,2, 18,4, 19,4 руб. в месяц. Наш полу-меньшевик, полу-либерал вынужден признать, что на такие заработки в 1915 году жить было «совершенно невозможно».

Положение рабочего класса, — удостоверяет Прокопович, — «за немногими исключениями, было крайне тяжело». О каких «исключениях» идет речь? Никаких данных, характеризующих эти исключения, Прокопович не приводит. Тем не менее, указание его бесспорно: совершенно незначительной верхушечной части пролетариата война принесла увеличение заработков. Высококвалифицированные слесаря, токаря, фрезеровщики и т. д. «расценивались» в этот период не плохо. Гвоздевы и Емельяновы являлись прямыми представителями этого слоя. Руководители и члены «рабочих групп» военно-промышленных комитетов одновременно работали на крупных заводах и очень не плохо зарабатывали. Блок монархиста Гучкова и «социалиста» Гвоздева, между прочим, имел основанием и относительное материальное благополучие небольшой части рабочего класса. Без такого благополучия открытое предательство общеклассовых интересов пролетариата, открытый союз между меньшевиками и магнатами капитала был бы невозможен.

Но положение гигантского большинства рабочего класса было невыразимо тяжелым, и это большинство постепенно вступало в борьбу. Чем больше ударов получал царизм на фронтах войны, чем шире развертывался внутренний развал реакционного государственного аппарата,

тем выше поднимал голову рабочий класс, тем энергичнее выступал он на защиту своих повседневных интересов, тем резче ставил он основные вопросы политической жизни. Могучие экономические и политические стачки показали всему миру, что рабочий класс России выдержал чудовищные испытания военно-полицейской диктатуры, что он вступает в решающую борьбу.

Что делали в это время меньшевики, сидевшие в гучковском военно-промышленном комитете? Они не могли умолчать о тяжелом положении пролетариата, но они не указывали ему никаких путей, кроме сотрудничества с Гучковыми и Коноваловыми. В № 5 «Бюллетеней» Рабочей группы говорилось:

> Страшная продовольственная разруха, вызывающая постоянно тревожные опасения за завтрашний день, стремительно возрастающая дороговизна продуктов первой необходимости, отсутствие многих из них в продаже, бесконечные «хвосты», выстаивание в которых совершенно не по силам рабочему, расстройство домашней жизни рабочих, вследствие массового вовлечения женщин в предприятия; на-ряду с этим постоянное падение реальной заработной платы, несмотря на чрезвычайную интенсивность и продолжительность труда, крайне изнуряющие силы рабочего; наконец, прикрепление его к заводам, угроза фронтом, как наказанием, усиливающийся на заводах казарменный режим и т. д.,—все это уже само по себе создает тревожное,

напряженное состояние рабочих масс, заставляет их настойчиво искать выхода из своего невыносимого положения (А. Шляпников: «Канун семнадцатого года», ч. II, стр. 45).

Рабочий класс искал выхода «из своего невыносимого положения», выход этот мог заключаться только в революционной борьбе, в революционном свержении царизма и буржуазии. Но меньшевики именно против такого решения вопроса боролись всеми силами и средствами.

Осенью 1916 года вопросом о «невыносимом положении» рабочего класса вынуждено было заняться даже царское правительство. В каком направлении мыслило оно решение вопроса? Наглядное представление об этом может дать одно весьма интересное закрытое совещание представителей фабрик и заводов, созванное командующим Петроградским военным округом князем Тумановым. Протоколы этого совещания в свое время были опубликованы в № 2 «Сборника Социал-Демократа», центрального органа нашей партии, за декабрь 1916 года. Вот с какими словами обратился представитель царского правительства к представителям крупного капитала:

Господа, я собрал вас за тем, чтобы узнать у вас, что вы делаете для ваших рабочих в смысле улучшения их положения. В настоящее время ведется преступная пропаганда среди рабочих и замечается среди них известное брожение. Необходимо в известной мере этому противодействовать... Разумеется, самым

действительным средством является уничтожение возможного недовольства на почве недостатка продуктов. Теперь, ведь, действительно, трудно получить продукты в лавках, и дорого все стоит. Чтобы в корне подорвать это недовольство, необходимо облегчить рабочим получение необходимых продуктов созданием целого ряда потребительных лавок. С другой стороны, желательно создание столовых для рабочих, дающих им возможность за дешевую плату получать доброкачественные обеды. Ввиду этого, будьте любезны сообщить, что у вас делается на заводах.

Выступившие представители правлений фабрик и заводов со своей стороны также должны были констатировать тяжелое положение рабочих: заработная плата повсюду низка, дороговизна толкает массы на протесты и борьбу.

О повышении заработной платы никаких, разумеется, разговоров на совещании не было. Все внимание сосредоточилось, с одной стороны, вокруг вопроса о репрессиях—арестах, увольнениях политически-неблагонадежных—и черных списках. На совещании было указано, что черные списки существовали при Союзе заводчиков и фабрикантов, и что—как выразился один из участников совещания—«рассчитанный рабочий может поступить на любой завод или фабрику, но в течение 3-х дней заводоуправление обязано рассчитать его без объяснения причины». «Таким образом,—заключал представитель завода Воронина,—мы избавляемся просто и удобно от нежелательных элементов».

На-ряду с вопросом о всяческих репрессиях, совещание подробно обсуждало вопрос о кооперативах и столовых для рабочих. Кооперативы и столовые должны были ослабить тяжесть дороговизны и внести в рабочие массы успокоение. Относительно кооперативов была подчеркнута необходимость, чтобы они фактически находились в руках заводоуправлений. Представители ряда заводов сообщили, что правления существующих кооперативов фактически уже находятся в их власти.

Сомнения вызывал вопрос о столовых. Обсуждение этого вопроса описывается в протоколе совещания следующим образом:

> Один из представителей заявляет: Ваше сиятельство изволило предложить организовать столовые для рабочих. Безусловно, это важно и полезно для борьбы с преступной организацией, но и представляет известную опасность. Ведь, рабочие могут воспользоваться столовой для негласных митингов и собраний. Кроме того, за обедами возможны всякие нежелательные разговоры и все прочее. Необходимо серьезно подумать, как избавиться от этой опасности. Ставить туда мастеров в качестве надсмотрщиков— крайне неудобно.
>
> Князь Туманов: Нельзя ли как-нибудь сократить обеденный перерыв, чтобы рабочие едва-едва успевали пообедать? Тогда исключается опасность разговоров.
>
> Фабриканты: Никак нельзя. Многие семейные рабочие уходят обедать домой,

и тогда они не успеют. Вообще рабочие на это не пойдут.

Один из жандармов: Тогда поставить им граммофоны. Пускай кричат погромче, чтобы ничего нельзя было расслышать. Лишняя сотня-другая рублей, и все будет хорошо.

Князь Туманов: Верно. А к тому же еще присоединить туманные картины патриотического содержания. Все будет отлично и спокойно.

Такими замечательными мерами думали представители царизма и буржуазии обмануть рабочий класс, перехитрить революцию. Граммофон и туманные картины, чтобы удержать пролетариат от восстания! За три года перед тем— летом 1913 года—буржуазно-помещичья Государственная Дума серьезно обсуждала вопрос о содействии широкому распространению в народе... балалаек, как средства против обнаружившегося в крестьянстве «вольного духа». Граммофон, балалайки, туманные картины,—только обреченные классы могли хвататься за такие глупые средства.

* * *

Меньшевики-оборонцы улучшения «невыносимого положения» пролетариата ожидали при посредстве примирительных камер. К забастовкам, даже экономическим, они относились отрицательно. Но рабочая масса шла своим путем. Несмотря на чудовищные трудности, стачки ширились. В 1915 году, по официальным данным, бастовало 539.000 человек, в 1916 го-

ду — 1.086.000. Из них в экономических стачках участвовало: в 1915 году — 383.000 чел., в 1916 году — 776.000 чел. Чтобы значение этих цифр было еще более ясным, отметим, что в 1913 г. в экономических стачках участвовало 384.000 чел., а в 1914 году — 278.000. Гражданского мира с капиталом во имя «защиты отечества», несмотря на всяческие старания меньшевиков, российский пролетариат не заключал.

Вопрос о стачках во время войны мы рассматривали еще и в другой связи. Сейчас отметим лишь, что «невыносимое положение» пролетариата было заметно улучшено только путем революционного свержения царизма. Стачки 1915—1916 г.г. в этом отношении имели огромное подготовительное, дезорганизующее царизм и буржуазию, значение.

После февральской революции рост заработной платы не только не отстает, но даже обгоняет рост цен на товары. После того, как царизм был убран с исторической арены, пролетариат завоевал восьмичасовой рабочий день, сорганизовался быстро по линиям политической (партия, советы) и экономической (профсоюзы, завкомы), а затем в результате новой революции, стал во главе государства и по-своему решил все основные вопросы, прежде всего вопрос о войне.

Крушение царизма.

Осень 1916 года. Разложение царизма достигло высшей точки. Положение на фронте безнадежно. В тылу чудовищная разруха. Надви-

гается голод. Буржуазия потеряла надежду мирным путем получить власть в руки. На сцену выступают революционные массы. Но свержения царизма в результате массовой борьбы буржуазия боится больше всего. Крушение фронта, сепаратный мир, еще на долгие годы царистская реакция,—все, что угодно, только не революция, только не вмешательство «стихии», «улицы», «толпы»! Буржуазия подготовляет *дворцовый переворот*.

Но революция приближается. Воздух насыщен электричеством. Слухи о революционных вспышках распространяются по всей стране: в Петрограде говорят о восстаниях в Москве и в Харькове, Харьков взволнован сообщениями о восстании в Петрограде, и т. д. и т. п... 17(30) октября Рабочая группа военно-промышленного комитета обратилась к рабочим с заявлением, в котором, между прочим, говорилось:

> Возбудить массу, бросить в нее искру в настоящее тяжелое время не стоит большого труда. Но всякий сознательный рабочий, отдающий себе ясный отчет в том, каково положение в настоящее время и чего требуют от него его классовые интересы и интересы страны, понимает, что *стихийная вспышка дезорганизованной, раздраженной тяжестью жизни народной массы, вспышка*, которую враги народа будут пытаться перевести в погром или торговых заведений, или инородцев, будет *на руку только врагам рабочего класса*. Вихрь ложных слухов, вдруг поднятый неизвестно кем в рабочей среде,

является предостерегающим голосом для рабочего класса: быть настороже, так как вовлечение его в движение при его неорганизованности может разбить, ослабить и надолго задавить всякие малейшие проявления его самодеятельности. Указывая на эту огромную опасность, стоящую перед рабочим классом, Рабочая группа обращается ко всем товарищам рабочим с призывом к энергичной общественно-организационной работе. Вопрос о планомерном, организованном участии рабочих масс в общественной жизни становится при таких условиях единственно верным средством отвести от рабочего класса грядущую опасность (Шляпников: «Канун семнадцатого года». Ч. II, стр. 47).

Это — документ антиреволюционный во всех своих частях. Меньшевики и эс-эры в своем подавляющем большинстве действовали в духе этого документа. Они выполняли свое обязательство перед Гучковым...

Под гнетом царизма и военно-промышленной буржуазии масса не могла не быть «дезорганизованной». Неорганизованная масса не может начинать революцию иначе, как путем «стихийной вспышки». Далее, вспышек и восстаний не может быть, если народная масса не «раздражена тяжестью жизни», если она не убедилась на опыте, что иного пути нет. Отговаривая от «стихийной вспышки», от революции, меньшевики обрекали массы на бесконечное терпение «тяжестей жизни».

Предостерегая против революционного восстания, меньшевики пугали рабочих, что их «вовлечение в движение» может «разбить, ослабить и надолго задавить всякие малейшие проявления его самодеятельности». Но ведь масса была «дезорганизована», т.-е. она организационно уже была «разбита, ослаблена», она не имела никакой возможности проявлять «самодеятельность». Меньшевики пугали рабочий класс потерей тех благ, которых у него не было, которые он должен был завоевать в результате своей победы над царизмом.

Отговаривая от революции, меньшевики звали рабочих на «энергичную общественно-организационную работу». Но в чем эта работа могла выразиться? Пролетарская общественность была придушена, возможность «общественно-организационной работы» еще должна была быть завоевана, и она могла быть завоевана только в результате революционного свержения царизма. Меньшевики уверяли, что «планомерное, организованное участие рабочих масс» в несуществовавшей «общественной жизни» являлось «единственно верным средством отвести от рабочего класса грядущую опасность»... революции. Так могли говорить люди, которых приближение могучего народного восстания привело в состояние полнейшей паники.

Рабочий класс шел своим путем. В октябре 1916 года в политических забастовках участвовало 138.000 чел. В январе 1917 года на политической почве бастовало 162.000 чел. В феврале бастовало уже 412.000 чел. Этот, решающий для царизма, месяц дал только

20.000 бастовавших на экономической почве (всего в феврале 1917 г. в стачках участвовало 432.000 чел.).

Партия большевиков была единственная серьезная политическая группа, которая из своего глубокого подполья звала массы на революцию и вместе с ней делала революцию.

Революция и война.

В программе Временного Правительства, выработанной по соглашению с Исполнительным Комитетом Совета, не было ни слова о войне. Это объяснялось тем, что «министрами революции» стали: по иностранным делам—Милюков, по военным—Гучков. Рабочий класс, вопреки меньшевикам и эс-эрам, Милюковым и Гучковым, свергший царизм, не был достаточно сознателен и достаточно организован для того, чтобы взять власть в свои руки и осуществлять революционную программу.

6 (19) марта Временное Правительство опубликовало обращение к «гражданам российского государства», в котором по вопросу о внешней политике говорилось, что правительство принимает меры к «защите страны от врага внешнего» и что оно «будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и соглашения». Это было прямое подтверждение, уже от имени революции, старой империалистической программы царизма. «Заключенные с союзниками соглашения» предусматривали захват Россией Константинополя и проливов и ряд других анне-

ксионистских планов в отношении врагов Антанты.

27 марта (9 апреля) правительство снова заявляло о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». 18 апреля (1 мая) Милюков в ноте союзным державам утверждает, что Временное Правительство не давало никому «ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось».

Это наглое заявление стоило Милюкову министерского поста. Его заменил Терещенко. Но политика буржуазии осталась прежней — милюковской, царистской, империалистической, и эс-эро-меньшевистский блок ни разу не посмел сделать хоть один серьезный шаг в пользу прекращения войны.

Руководимая меньшевиками и эс-эрами «революционная демократия» провозглашала весьма приличную программу мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Но это была только программа, которая ничего не меняла, ибо на деле под флагом «революционного оборончества» продолжалась старая война во имя старых целей. Внешняя политика царизма—это была политика российского, французского, английского империализма. Внешняя политика Временного Правительства—это была политика все того же англо-франко-русского капитала.

14 (27) марта руководимый эс-эро-меньшевистским блоком Петроградский Совет обратился к народам всего мира с воззванием по вопросу о войне и мире. В воззвании говорилось, что «наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран». Отсюда исключалось, разумеется, российское правительство, но это была неправда: правительство Львова-Милюкова в этом отношении не отличалось от правительства Бриана или Ллойд-Джорджа. «Народы всего мира» этого не могли не знать, и воззвание, в основе которого лежала неправда, не могло подвинуть их на революционные действия.

Обращаясь к пролетариям австро-германской коалиции, воззвание говорило:

> Подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы!

Авторы воззвания — меньшевики и эс-эры — руководили революционной страной, где власть фактически была оставлена ими в руках «помещиков и банкиров», где сама революция фактически становилась «орудием захвата и насилия» в руках имущих классов. 14 марта призывали немецких пролетариев к «дружным объединенным усилиям», а 18 июня, по прямым директивам Антанты, армия революционной России была брошена в наступление. Мартов, возглавлявший

в то время небольшую группу меньшевиков-интернационалистов, по поводу перехода армии в наступление говорил на первом съезде советов, что он видит смеющееся лицо мирового империализма, по приказу которого не один свободолюбивый народ проливал свою кровь...

26 февраля (11 марта), когда вооруженная борьба с царизмом еще продолжалась, Центральный Комитет партии большевиков, выкинув лозунг создания Временного Революционного Правительства, заявлял:

> Немедленная и неотложная задача Временного Революционного Правительства — войти в сношение с пролетариатом воюющих стран, для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик для немедленного прекращения человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам.

На смену царскому правительству пришло — не временное революционное, а просто временное — правительство буржуа и либеральных помещиков, правительство антиреволюционных классов. Революционная программа мира была связана с революционной властью. Эту власть еще нужно было создать.

4 (17) апреля из эмиграции возвращается В. И. Ленин. Свои тезисы о пролетарской программе революции он начинает с заявления, что война при правительстве Львова-Милюкова «безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капи-

талистического характера этого правительства», что поэтому «не допустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству». Действительно революционной—говорит Ленин—война станет при условии: «а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала».

Существовавшее благодаря поддержке меньшевиков и эс-эров Временное Правительство не удовлетворяло ни одному из этих условий. Поэтому эс-эро-меньшевистское оборончество было таким же «революционным», как и оборончество Шейдемана, Вандервельде, Гендерсона, — т.-е. на деле это было оборончество социал-империалистское.

Задачи большевистской партии в момент, когда большинство трудящихся шло за эс-эрами и меньшевиками, Ленин определял следующим образом:

> Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала.

В чем заключается основное содержание периода от февраля до октября? В борьбе за власть между буржуазией и пролетариатом. Как при царизме, так и теперь вопрос о мире и земле неразрывно был связан с вопросом о власти. В первые месяцы революции широкая масса не видела этой связи, она находилась еще во власти иллюзий, что «общими усилиями» легче могут быть разрешены основные вопросы революции.

Но собственный политический опыт, с одной стороны, «обстоятельная, настойчивая, терпеливая» разъяснительная работа большевиков—с другой, убеждают рабочий класс в необходимости новой пролетарской революции, свергающей капитал. 7 ноября эта революция стала фактом,—вопрос о войне был поставлен и решен в интересах трудящихся масс, против интересов и воли империализма.

26 октября (8 ноября) второй съезд Советов принял декрет о мире.

> Рабочее и крестьянское правительство—говорилось в декрете — предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире... Таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций. Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно.

Известен ответ Антанты—она не хотела немедленного демократического мира, она жаждала

захватов, контрибуций, разгрома своих врагов. Внутри страны вся буржуазия, дворянство, военщина, мещанство, интеллигенция восстали против попытки заключить мир по программе, которая на словах принималась всеми, начиная от Фоша и Ллойд-Джорджа, Вильсона и Вильгельма и кончая Керенским и Милюковым, но на деле не принималась никем из рядов буржуазии, из рядов «социалистов» и «демократов».

Еще не смещенные верхи армии саботировали мирные попытки Советской власти. Начальник штаба главного командования ген. Духонин отказался передавать неприятелю мирные предложения нового правительства и за это поплатился жизнью.

В конце концов все препятствия были сломлены. Немцы пошли на переговоры. 5 (18) декабря было подписано перемирие. Начались брест-литовские мирные переговоры.

Начав с красивых заявлений о «демократическом» мире, о праве наций на самоопределение и т. д., на деле в ходе переговоров руководители австро-германской политики предъявили разбойничьи условия мира. Молодая революционная власть эти условия либо должна была принятя, либо возобновить войну.

Со времени ноябрьской революции большевики стали о б о р о н ц а м и. Они признавали своей священной обязанностью защищать социалистическое отечество. С принципиальной стороны этот вопрос давно был ясен для них. В октябре 1915 года в тезисах, напечатанных в «Социал-Демократе»—центральном органе нашей партии —говорилось:

На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам.

На немецкие условия мира молодая Республика Советов должна была бы ответить провозглашением революционной войны. Но в тот момент она не могла этого сделать, ибо старая армия распалась, а новой еще не было. Революционную войну нужно было бы еще подготовить — укрепить новое государство, создать армию, наладить хозяйство, а главное — дать передышку измученным войной и разрухой массам. Но это значило пойти на самый тяжелый, унизительный, «похабный», по выражению Ленина, мир.

Возобновление войны при тогдашних условиях означало почти наверняка гибель револю-

ции. Этой гибели страшно желали все имущие слои, все защитники буржуазного строя. Снова и снова—вопрос о мире переплетался с вопросом о власти.

Брестский мир и меньшевики.

На третьем съезде Советов (январь 1918 г.) по вопросу о мире от имени уже объединившейся партии меньшевиков выступал Мартов. Немецкие условия мира—говорил он—неприемлемы: «Российская революция не пойдет на этот шаг и не принесет в жертву алчности германского хищничества ни польский, ни эстонский, ни латышский народы». Переходя к мирной политике Советской власти, Мартов указывал, что сделанные ею шаги к заключению всеобщего мира в самый разгар империалистической войны являются «поразительным по своей смелости революционным актом».

Но—на «поразительный по своей смелости революционный акт» западно-европейский пролетариат не смог в то время ответить должным образом. Российская революция оказалась лицом к лицу с чудовищным германским империализмом, и ей пришлось отступить, пришлось пойти на огромные уступки, чтобы сохранить себя. Меньшевистская партия не дорожила революцией, и потому она «не признала» уступки, сделанные во имя сохранения Октябрьской революции и ее основных завоеваний. Против брестских уступок, против Брестского договора партия меньшевиков повела отчаянную борьбу. Она толкала Советскую власть на срыв мирных пере-

говоров, на войну, в надежде, что в результате войны Советская республика погибнет.

В средних числах февраля Центральный Комитет меньшевиков выступил с декларацией по поводу брестских переговоров. Констатируя неудачи России в Бресте, Ц.К. меньшевиков переходит к причинам этих неудач. По мнению Ц.К., дело объясняется следующими обстоятельствами:

> Рядом с аннексионистскими стремлениями германского империализма и противодействием, которое оказывали политике мира империалистские правительства союзных стран, основною причиною этой неудачи является сопровождавшая мирные переговоры демагогическая политика Советской власти, которая, взяв на себя переговоры о мире, в то же время окончательно разлагала армию на фронте, раздувала пламя гражданской войны во всей России, дезорганизовала всю ее хозяйственную жизнь, истребляла боеспособные элементы народа в сражениях на многочисленных внутренних фронтах и всем этим укрепляла позицию австро-германских империалистов.

Вот образец совершенно недобросовестного, именно демагогического, анализа основных причин брестского поражения. «Основной причиной» этого поражения выставляется «демагогическая политика», вообще вся внутренняя политика Советской власти. Меньшевистская декларация пытается создать впечатление, что не будь большевиков, то и Бреста, будто бы, не было бы,

что Россия смогла бы оказать германскому хищнику сопротивление. Это именно совершенно не верно. Армия стала небоеспособной до Октября, хозяйственная разруха, гражданская война, восстания, волнения, погромы, разгромы прокатывались по всей России до Октября. За месяц до опубликования меньшевистской декларации, советская политика мира, как только-что видели, нашла положительную оценку в устах меньшевистского вождя Мартова.

Брестское поражение стало неизбежным, ибо в Германии революция тогда еще не вспыхнула, Антанта на мирные переговоры не пошла, «демократическая» украинская Рада гнусно изменила революционной России, заключив с немцами сепаратный мир, а Россия была фактически безоружна, она осталась без армии еще до Октября. Наиболее передовые элементы этой армии готовы были участвовать в классовой войне против буржуа и помещиков, в защите земли, в защите октябрьских завоеваний, но вести большую войну с могущественным тогда австро-германским империализмом они были не в состоянии. «Многочисленные внутренние фронты», разумеется, были созданы не «демагогической политикой» Советской власти,— это именно пустейшее, несерьезное, демагогическое объяснение великого исторического факта,— фронты эти были созданы стихией классовой борьбы, постепенно развертывавшейся за период февраль-октябрь. Генералы Каледин, Корнилов, Дутов создали фронты гражданской войны до захвата власти большевиками. Это совершенно неопровержимый факт...

Основная причина брестской неудачи меньшевистской партией была указана абсолютно неверно. Год спустя после Октября, в сборнике «За год» другой меньшевистский лидер Дан откровенно сообщил об этом предмете кое-что весьма интересное. Рассказав историю «борьбы за мир», Дан сообщает, что после неудачи наступления 18 июня, в особенности после событий 3—5 июля,—

> в среде революционной демократии, особенно в социал-демократической части ее, зреет сознание необходимости признать поражение за исходный факт политики мира и потому от политики мира демократического перейти к политике мира компромиссного.

Слова: «поражение» и «компромиссного» подчеркнуты Даном. Смысл дановского сообщения совершенно ясен. После преступнейшего наступления 18 июня, после грандиозных событий 3—5 июля для наиболее зрячих «демократов» (принадлежал ли гр. Дан к их числу?) становится ясным, что нужно итти на «компромиссный» мир, на мир с жертвами, на мир недемократический, насильнический, грабительский, империалистический. Ибо раз поражение берется «за исходный факт политики мира», то тут без тяжких жертв дело заведомо обойтись не может.

Следует отметить, что необходимость «мира компромиссного» понимали не только некоторые «демократы», но и часть кадетов. В августе-сентябре 1917 г. Центральный Комитет партии кадетов несколько раз заслушивал доклад о без-

надежном положении фронта. Набоков, бар. Нольде, Гессен и ряд других кадетов также стояли за необходимость «признания поражения за исходный факт политики мира».

Таким образом, в рядах меньшевиков, эс-эров, даже кадетов было не мало людей, еще летом 1917 года понимавших совершенную невозможность вести войну. Тем не менее она продолжалась, тем не менее вся эта трусливая и блудливая «революционная демократия» с животным страхом смотрела в глаза антантовским хозяевам, беспрекословно исполняла их приказания, не смея сказать смелого слова о мире. Тем самым эта преступная «демократия» создавала у миллионов солдат впечатление полной безнадежности заключения мира—силами «демократии». Это именно обстоятельство больше всего разлагало армию, толкало солдат на дезертирство, провоцировало их на «втыкание штыка в землю»...

Но вот брестская неудача пришла. И партия, в июле 1917 года считавшая необходимым «признать поражение», в феврале 1918 года это самое поражение объявляет главным образом результатом большевистской демагогии. Редко бесстыдство и бесчестие политической партии доходили до таких пределов, как в данном случае...

Но вернемся к февральской декларации меньшевистского Центрального Комитета. Мы видели, как этот Ц.К. объяснял причины брестского поражения. Что же он советовал трудящимся массам России в этот трагический момент?

Констатируя «полную невозможность для Советской власти организовать действительное сопротивление» германскому натиску, Ц.К. меньшевиков, в виде практической меры, предлагал признание верховной власти Учредительного Собрания и созыв международной социалистической конференции. Получив верховную власть, учредилка прекратит гражданскую войну, сорганизует боеспособную вооруженную силу. А пока всего этого нет—Советской власти запрещалось подписывать Брестский мир.

Нужно ли говорить о том, что учредилка не смогла бы ни прекратить гражданской войны, ни создать боеспособной армии? Учредилка сама являлась знаменем и прикрытием для одной из воюющих сторон. Нужно ли напоминать, что «демократическая» власть Керенского сама явилась одной из основных причин развала старой армии? Нужно ли говорить о том, что «социалистическая конференция» была сплошным обманом в момент, когда социал-демократия каждой данной страны целиком поддерживала «свои» правительства, когда немецкая социал-демократия одобрила наступление ген. Гофмана на революционную Россию?

Меры, предлагавшиеся партией меньшевиков, имели целью не улучшение военного положения России—это было тогда совершенно невозможно,—а ликвидацию Советской власти. Прикрываясь патриотическим знаменем, меньшевистская партия пыталась осуществить классово-политическую задачу буржуазии—уничтожение пролетарской диктатуры.

12 марта в Москве открылся 4-й Всероссийский Съезд Советов. Этот Съезд должен был сказать окончательное слово о войне и мире. Как только Съезд открылся, Мартов сделал следующее заявление:

> На этом Съезде решается вопрос о первом разделе России и о продаже русской революции германскому империализму... Помните, ничто никогда не спасет, не позволит скрыться ни одному из тех, которые здесь, в этом зале, примут участие в решении этого вопроса. Годы, десятки лет пройдут, но с проклятием будет международный пролетариат вспоминать вас.

Эту грозную филиппику Мартов произнес в связи с требованием допущения представителей меньшевиков в... мандатную комиссию Съезда. Мартов доказывал, что Съезд, долженствующий решить вопрос о мире,—«впотьмах собрался». Мандатная комиссия была составлена на основе пропорциональности. От меньшевиков в нее вошел Левин. Но никаких признаков «подтасовки» Съезда он, разумеется, обнаружить не мог.

Смешно ныне читать истерические вопли Мартова о «продаже русской революции», о том, что «международный пролетариат с проклятием будет вспоминать» партию, заключившую Брестский мир. Если уже говорить о «проклятии», то проклятие истории обрушилось именно на меньшевистскую партию, которая при власти буржуазии готова была пойти на компромиссный мир—

во имя сохранения буржуазного господства, при власти же рабочего класса о компромиссе, необходимом для сохранения пролетарской власти, и слышать не хотела...

Выступая по докладу Ленина о войне и мире, Мартов заявил:

> Ничего не было сделано для организации сопротивления. Я требую назначения следственной комиссии, которая выяснила бы, почему в момент нашествия германской армии русская армия была способна только бежать. Мы требуем, чтобы Совет Народных Комиссаров, подписавший этот мир, сложил свои полномочия, чтобы была организована новая власть.

Почему в феврале 1918 года «русская армия была способна только бежать»? Но почему после наступления 18 июня «русская армия была способна только бежать»? Почему она на протяжении всего лета и осени 1917 года все время отступала? Почему была сдана Рига? Почему в сентябре 1917 года Петроград очутился в непосредственной опасности?

Если—угрожал Мартов—Брестский мир будет подписан, то «российский пролетариат объявит непримиримую войну как правительству, которое заключило мир, так и правительству, которое погубило Россию». Но что нужно было делать немедленно, с сегодня на завтра, при отсутствии армии, при всеобщей разрухе? В резолюции, которую меньшевики предлагали Съезду, говорилось, что «выходом из создавшегося положения не может быть

так называемая партизанская война». Где же выход? Меньшевики предлагали Съезду признать, что:

1) Мир не утверждается.

2) Совет Народных Комиссаров должен сложить полномочия.

3) Должна быть учреждена верховная следственная комиссия «для выяснения всех обстоятельств, которые привели к окончательной дезорганизации обороны».

4) Должно быть созвано «Учредительное Собрание для восстановления демократической республики и организации власти, пользующейся доверием всей демократии».

5) Против наступления германского империализма должно быть организовано «всенародное ополчение».

Опять-таки, в конце концов, все дело сводится к ликвидации Советской власти. Двумя путями могла быть она ликвидирована. Первый путь: продолжение заведомо безнадежной борьбы с Германией. В этом случае она наверняка была бы низложена, и вместо нее было бы создано правительство, которое дало бы Германии мир. Впоследствии из воспоминаний сменовеховца проф. Устрялова мы узнали, что некоторые кадетские круги в Москве строили совершенно конкретные планы в этом направлении. Второй путь—это самоликвидация, передача «верховной власти» Учредительному Собранию. Нечего и говорить, что ликвидация Республики Советов под любым соусом, нисколько не улучшая внешнего положения России, явилась бы страшным поражением революции, открыла бы собою эпоху

контр-революции, которая в скором времени привела бы к реставрации буржуазно-помещичьего режима. Поражение Российской революции, в свою очередь, явилось бы огромным ударом для всего мирового рабочего движения. Наконец, крах республики Советов явился бы крахом первой революционной попытки поставить вопрос о мире. Вспомним: в январе Мартов считал, что советская политика мира является «поразительным по своей смелости революционным актом». В феврале он уже ничего не видел, ничего не понимал,—уступка, делаемая пролетарской революцией в целях самосохранения, приводила его, и вместе с ним всю мелко-буржуазную демократию—левых эс-эров, правых эс-эров, трудовиков—в дикое бешенство...

Империализм и Октябрьская революция.

Подводя годичный итог Октябрьской революции, Дан в сборнике «За год» писал:

> Отвергая сепаратный мир, демократия стремилась ослабить, но не могла порвать уз, привязывавших революционную Россию к одной из воюющих коалиций... Обреченная на продолжение войны в течение некоторого времени, ради всеобщности и демократичности будущего мира, она избегала острых политических и социальных конфликтов, которые могли бы подорвать «устойчивость и крепость фронта». Отсюда—коалиция...

Признания, можно сказать, замечательные. «Демократия»... «не могла порвать уз», привя-

зывавших ее к колеснице антантовского империализма. Но пыталась ли она эти узы порвать? Проявляла ли она хоть какую-нибудь активность в вопросах внешней политики? Хоть раз эс-эро-меньшевистская «социалистическая» демократия дерзнула ли по революционному поставить вопрос о войне и мире?

«Обреченнная на продолжение войны»... Какая сила могла «обречь» страну революции, страну восставших рабочих, солдат и крестьян на продолжение разбойничьей войны, если бы ее не опутали демократические лакеи мировой буржуазии? Какое правительство в мире дерзнуло бы притвориться глухим, если бы революционная Россия, поднявшись во весь свой рост, категорически и смело поставила вопрос о прекращении чудовищной войны? Будто рок или неведомая сила божества давила на Россию и «обрекала» ее на продолжение войны,—так изображает дело Дан.

Но вот армия начинает разлагаться. В стране разруха увеличивается. Новая революция нарастает, и «обреченная» демократия, как было отмечено выше, начинает поговаривать о необходимости «признать поражение», поставить вопрос о «компромиссном» мире. Но — сообщает гр. Дан — «новая программа встречает решительное сопротивление в организованных элементах мелко-буржуазной демократии». Верхи крестьянства, кооператоры, городское мещанство, интеллигенция слышать не хотят о «компромиссном» мире. Они — за «войну до победного конца», они вместе с Милюковым мечтают о Стамбуле и Галиции. «Социалистическая демократия» бессильна повлиять на мелко-буржуазную демо-

кратию. Лишь в момент начала пролетарской революции — 24 октября 1917 года — этот фракционный спор **внутри** мелкой буржуазии был разрешен в пользу «левого» крыла: предпарламент принял «радикальную» резолюцию о мире. Но — меланхолически замечает гражданин Дан — «уже поздно». Да, революция поставила вопрос о мире по настоящему радикально...

Что сделал октябрьский переворот в области мирного вопроса? Возьмем другую итоговую статью из того же сборника «За год», — статью Ерманского о советском строе. Ерманский пишет:

> Режим, установившийся в результате переворота..., **покончил с зависимостью внешней политики** революционной демократии России от вожделений **империализма союзников**. Он **открыто и радикально** выдвинул требование **мира**, — и этим не только устранил гибельное для революции России влияние факта ее участия в империалистической войне, но и **пробил серьезную брешь в системе «священного единения»**, державшей в общем народные массы всех стран в положении покорных рабов воинствующего империализма.

Таким образом, как только явилась **настоящая революционная власть**, она быстро нашла выход там, где прославленная «демократия» тупо и бессмысленно топталась на одном месте. Революционная власть решительно покончила с преступно-идиотским положением, когда страна восставшего народа была «обречена» продолжать бойню в интересах мирового капи-

тала. Она одним ударом оборвала преступную связь с империализмом. Она «открыто и радикально» поставила вопрос о мире. Наконец, Советская революция «пробила серьезную брешь» в системе проклятого «священного единения», позорно-преступного «сотрудничества классов», духовно-политического пленения наемных рабов «воинствующим империализмом». Советская революция дала сигнал к возобновлению классовой борьбы, она начала собою эпоху всемирной пролетарской революции.

Если бы даже больше ничего не удалось сделать Октябрьской революции, отмеченного Ерманским было бы достаточно, чтобы признать за ней всемирно-историческое значение. Но Октябрьская революция разрешила аграрный вопрос, вымела начисто дворянский навоз из страны, впервые в истории превратила пролетариат в руководящий государством класс.

Октябрьская революция «открыто и радикально» поставила вопрос мира и добилась прекращения войны на возможных при тогдашнем соотношении сил условиях. С другой стороны, правильное решение вопроса о мире укрепило Октябрьскую революцию. «Победа большевизма — писал гр. Дан в цитированной выше статье — стала исторически неизбежна в отсталой стране, когда выяснилось, что в течение 8-ми месяцев революция оказалась не в состоянии дать обещанного ею демократического мира». «Победа большевизма» пришла потому, что меньшевизм оказался полным банкротом, что он рабски тащился в хвосте у буржуазии, что он был живым олицетворением

безволия и бездеятельности, что он пытался остановить революцию на буржуазно-демократическом рубеже...

Наконец, итог Мартова все из того же сборника «За год». В статье «Диктатура и демократия» Мартов писал:

> Ценою принятия аграрной программы левых эс-эров... большевизм приобретает поддержку крестьянских масс, ценой подписания Брестского мира отрывает эти массы от левых эс-эров.

Значит, в конце 1918 года Мартов признал, что крестьянские массы были за подписание Брестского мира, что, выступая против Бреста, левые эс-эры тем самым лишились доверия крестьянства и обрекли себя на гибель. А партия меньшевиков? А Мартов, бешено выступавший против Бреста? Кого они представляли? Рабочий класс? Но он, очевидно для всех, был за мир, он лучше левых эс-эров понимал, что крестьянин войны не хочет, а один пролетариат вести ее не в состоянии. Кто хотел весною 1918 г. войны с немцами? Имущие классы, питавшие надежду в огне войны ликвидировать большевизм. Мещанство, кулачество, интеллигенция, тесными узами связанные с «верхними слоями» общества. Вот чьи настроения отражали Мартовы, когда они обрушивали на головы большевиков громы и молнии за Брестский мир.

В феврале меньшевистская партия выдвигает лозунг «всенародного ополчения». При отрицательном отношении рабочих, крестьян и солдат к войне «всенародное ополчение» на деле быстро превратилось бы в охранную гвар-

дию буржуазии, которая первым долгом набросилась бы на революцию, на ее основные завоевания. Вместо мобилизации «всенародных сил» против внешнего врага, получилось бы усиление межклассовой войны, при худших для трудящихся условиях. Путь продолжения войны был путем несомненной гибели революции.

Декретом о земле и Брестским миром большевизм перетянул на свою сторону крестьянство, установил прочный союз между рабочим классом и крестьянством. Большевистская партия всегда считала, что из двух основных классов современного общества победит тот, кто подчинит крестьянство своему руководству. Оторвав деревню от эс-эров (правых и левых), большевистская партия тем самым вырвала ее из-под влияния буржуазии. Без подписания какого угодно мира это было невозможно. Брест исторически оправдал себя не только тем, что в самый критический период дал революции передышку, но еще более тем, что позволил пролетариату теснейшим образом связаться с крестьянством и тем обеспечить за собою руководство социалистическим государством.

* * *

10 лет тому назад российский пролетариат был втянут в войну разбитый, дезорганизованный. За это время он пережил империалистическую войну, провел победоносно две революции и трехлетнюю гражданскую войну, отбил нападение 18-ти буржуазных правительств, справился

с бесчисленными внутренними врагами, выдержал блокаду, победил голод и разруху.

10 лет тому назад он был ничем,—ныне российский рабочий класс возглавляет великое государство нового типа, государство трудящихся, имеет победоносную Красную армию, готовую не только отразить нападения хищников империализма, но и повести освободительную революционную войну, подымая на восстание всех рабов капитала.

Революция пробила гигантскую брешь в здании мирового империализма. Она создала мощную крепость Нового Мира. Она освободила миллионы трудящихся от власти капитала. Она показала пример того, как, несмотря ни на что, рабочий класс, поднявшись во главе всех угнетенных, может творить «чудеса», может преодолеть неслыханные препятствия и утвердить власть труда.

Империалистическая война «родила» первую в мире пролетарскую революцию. Государство, вышедшее из этой революции, является самым сильным, самым смелым, самым непримиримым врагом империализма, его войн, его разбойничьего мира, его разбойничьей политики.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Ц. 16 к.

1924

